

UNITED WISDOM

Ницше и бездна: встреча с неудобной правдой о себе

Человек и внутренний мир

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

I34 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Ницше и бездна: встреча с неудобной правдой о себе

тот, кто посмотрел в себя без смягчения «Если ты долго смотришь в бездну, бездна тоже смотрит в тебя». Эта строка стала клише. В контексте Ницше она перестаёт быть афоризмом и становится точной формулировкой того, что человек обнаруживает в себе, если работает с собой всерьёз: тёмная сторона никуда не уйдёт от отрицания. Она ждёт.

I. Афоризм 146

В 1886 году в книге «По ту сторону добра и зла» Фридрих Ницше пишет короткий афоризм под номером 146: «Wer mit Ungeheuern kämpft, mag zusehn, dass er nicht dabei zum Ungeheuer wird. Und wenn du lange in einen Abgrund blickst, blickt der Abgrund auch in dich hinein» (Wikiquote: Beyond Good and Evil, Aphorism 146).

В русском переводе Свасьяна: «Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем. И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя».

Это, пожалуй, самая цитируемая строка философии XX века. Её ставят эпиграфом к фильмам про серийных убийц, к книгам о травме, к статьям о моральной коррупции.

Её цитируют люди, которые Ницше не читали.

В этом нет беды. Афоризм работает и сам по себе. Но если читать его в контексте остального Ницше — а это то, что мы попробуем здесь сделать, — он перестаёт быть просто эффектной фразой. Он становится сжатой формулировкой того, что Ницше понял раньше психоаналитиков, раньше Юнга и Фрейда: у человека есть тёмная сторона; она не уйдёт от того, что её отрицают; она ждёт.

В предыдущей статье серии мы говорили о «дьяволе» как религиозном имени для тени. Ницше — это, среди прочего, философ, который снял с тени религиозное имя и оставил её голой. Без бога, который её разрешает или запрещает. Без чёрта, на которого её можно списать. Просто: вот она, твоя, делай с ней что хочешь.

II. Что было до Ницше

Чтобы понять масштаб его жеста, надо понимать, на чём он стоял.

К середине XIX века европейская моральная философия была устроена примерно так. Есть человек — существо, способное к добру. Есть моральный закон — данный Богом

(для христиан) или открываемый разумом (для кантианцев). Задача человека — следовать закону. То, что в нём противоречит закону, — это или искушение (от дьявола), или слабость (от плоти), или ошибка (от невежества). В любом случае — то, что надо преодолеть.

Это устройство держалось на одном допущении: человек по природе стремится к добру. Может ошибаться, может падать, но в основе — благ. Это христианское наследие в его секуляризованной форме. Бог ушёл, но идея «изначального добра» осталась.

Ницше начинает с того, что это допущение разрушает.

III. Подозрение

В книге «Генеалогия морали» (1887) Ницше задаёт вопрос, который до него никто всерьёз не задавал.

Не «что такое добро?» — это спрашивали Платон, Аристотель, Кант. А «откуда взялось наше представление о добре?». Каков его источник? Кто и почему первым сказал «это хорошо, а это плохо»?

И ответ Ницше — революционный.

Современная мораль, говорит он, не пришла с небес. Она не открыта разумом. Она исторически возникла в конкретный момент — и возникла как восстание слабых против сильных (Wikipedia: Genealogy of Morality).

В архаическом обществе, утверждает Ницше, «хорошим» назывался сильный, здоровый, способный действовать. «Плохим» — слабый, больной, неспособный. Это была «мораль господ» (Herren-Moral) — оценка изнутри сильного, который смотрит на мир и видит: вот я хорош, силён, благороден; вот эти другие — слабее, мельче, хуже.

Потом, говорит Ницше, происходит переворот (Sklavenaufstand in der Moral). Слабые, не способные действовать против сильных физически, начинают действовать против них на уровне ценностей. Они изобретают новый словарь. Они говорят: «нет, это вы, сильные, злые. А мы, слабые, добрые». Они называют ваше здоровье — грехом. Ваше веселье — суетой. Вашу гордость — гордыней. Ваше тело — нечистым. И обещают вам ад.

Это «мораль рабов» (Sklaven-Moral). И именно она, согласно Ницше, лежит в основе христианства. И через христианство — в основе всей современной европейской моральной чувствительности.

Заметим: Ницше не говорит, что мораль рабов — неправда. Он говорит: она возникла из конкретной психологической ситуации — из бессилия, из ressentiment (французское

слово, которым он называет накопленную, не выраженную обиду слабого к сильному). Это месть на уровне слов. Гениальная, многовековая, эффективная месть.

И вот вопрос. Если современная мораль возникла из ressentiment, то что в современном человеке есть, кроме этой морали? Что под ней? И — главное — что в нём такое, что эту мораль создало?

IV. Бездна внутри

Тут мы возвращаемся к афоризму 146.

«Бездна» у Ницше — это не дешёвая поэзия. Это рабочий термин для того, что находится под слоем морали. Под тем, что человек о себе знает и говорит. То, что движет человеком на самом деле, прежде чем он рационализирует свои действия как «добрые» или «плохие».

Что в этой бездне? У Ницше — несколько ответов.

Первый ответ: воля к власти (Wille zur Macht). Всё живое стремится к расширению, к утверждению, к преодолению сопротивления. Это не «жажда власти» в политическом смысле — над другими. Это сила, которая хочет себя выразить. У растения это — разрастаться. У животного — действовать. У человека — это всё: художественное творчество, любовь, война, мысль, секс, политика. Воля к власти не «плохая» и не «хорошая». Она просто есть.

Второй ответ: инстинкты, которые мораль рабов объявила недопустимыми. Агрессия.

Сексуальность. Эгоизм. Гордость. Жажда мести. Жажда наслаждения. Цивилизация эти инстинкты не уничтожила — она их загнала вовнутрь. Они там продолжают жить.

Третий ответ: те самые качества, которые человек в себе не признаёт. Ницше до Юнга описывает то, что Юнг позже назовёт тенью. В работе «Генеалогия морали» он пишет о «плохой совести» (schlechtes Gewissen) — это, по Ницше, агрессия человека, которая, не имея выхода вовне, обращается на самого себя (Genealogy of Morals notes, Beckman/HMC). Человек, которому нельзя ударить врага, бьёт себя.

Это исключительно глубокая мысль. Аутоагрессия, мазохизм, болезненное чувство вины — всё это, по Ницше, обращённая внутрь агрессия. Не отсутствие тёмной стороны, а её перевёрнутая форма.

V. Чудовище в тебе

«Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, чтобы самому при этом не стать чудовищем».

Это предупреждение Ницше адресует — буквально — реформатору, моралисту, борцу со злом. Тому, кто очень хорошо знает, где зло. Кто посвятил себя его искоренению.

Что с ним происходит?

Во-первых, он становится одержим тем, против чего борется. Кто гонится за злом, начинает повсюду его видеть. Его внимание натренировано на одно. Он перестаёт видеть остальное.

Во-вторых, он перенимает методы того, с кем борется. Чтобы победить чудовище, нужны чудовищные средства — иначе не победишь. Инквизитор, борющийся с

ересью, кончает тем, что пытает женщин до смерти. Революционер, борющийся с угнетением, кончает тем, что устраивает террор страшнее старого режима. Тот, кто борется с лицемерием, скоро лицемерит сам — потому что его собственные средства не выдерживают того стандарта, который он провозглашает.

В-третьих — и это самое тонкое — само существование «врага» становится ему необходимо. Если врага не будет, что он будет делать? Кто он будет без врага?

Поэтому он, не осознавая, врага продлевает. Бессознательно поддерживает то, против чего вроде бы борется.

Эта логика, написанная Ницше в 1886 году, описывает половину истории XX века.

Революции, превращающиеся в новые тирании. Антиколониальные движения, повторяющие методы колонизаторов. Феминизм, иногда выпестывающий женскую жестокость, ничем не уступающую мужской. Войны с терроризмом, порождающие новый терроризм. Это не циничный комментарий — это структурное наблюдение.

Кто долго смотрит в бездну, в неё проваливается.

VI. И бездна смотрит в тебя

Вторая часть афоризма даже сильнее.

«И если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в тебя».

Что это значит?

Один уровень — наивный, и его все цитируют. Смотри на ужас — ужас войдёт в тебя.

Работай со страданием — страдание окрасит твою душу. Это правда. Военные психиатры это знают. Социальные работники это знают. Гомеопаты это знают.

Но Ницше говорит о другом, более глубоком. Когда ты долго смотришь на бездну — на «зло», на «теневое», на «недопустимое» — ты в какой-то момент обнаруживаешь, что

оно тебе откликается. Что-то в тебе на это отзывается. Не отвращением, а узнаванием. «Я понимаю, как это». «Я мог бы быть таким». «Я уже отчасти таков».

Это страшный момент. Потому что до него ты мог думать, что зло — чужое, а ты — наблюдатель. После него ты знаешь, что наблюдатель и наблюдаемое — одной природы. Что бездна, на которую ты смотришь, — это и есть твоя, увеличенная и вынесенная вовне, чтобы её можно было увидеть.

Юнг, не знавший Ницше плохо (Юнг читал его внимательно, ссылался часто, и вёл два семинара в Цюрихе только по «Заратустре»), позже формулирует это технически: «зло» во внешнем мире — это часто проекция собственной тени.

Ницше говорит то же самое, но в форме афоризма. И с оттенком предупреждения: будь к этому готов. Не смотри в бездну, если не готов узнать в ней себя.

VII. Кто такой сверхчеловек

Это место, где Ницше чаще всего понимают неправильно.

«Сверхчеловек» (Übermensch) из «Так говорил Заратустра» (1883) — это не белокурая бестия с автоматом. Это не нацистский идеал (Ницше был в ярости от ранних попыток сестры приписать ему антисемитизм; нацисты использовали его уже после его смерти и психической катастрофы).

Сверхчеловек — это человек, который провёл свою бездну до конца. Который посмотрел на свои тёмные стороны и не убежал. Который интегрировал их.

Что значит «интегрировал»? Не «дал волю». Это важно. Ницше нигде не говорит: «убивай, насилуй, грабь — у тебя же тёмная сторона». Он говорит: «знай о своей тёмной стороне. Знай, что ты способен на убийство, насилие, ограбление. И именно потому, что знаешь, выбирай не делать. А не делай потому, что не способен».

Не-способный человек — это не моральный человек. Это просто бессильный.

Святость, основанная на бессилии, — это не святость. Это инвалидность.

Святость, по Ницше, — это сила, которая знает себя и выбирает не разрушать. Это всадник, который знает мощь своего коня и держит его в узде не потому, что конь слаб, а потому что всадник властен.

Это очень близко к идее «теневой работы» в современной аналитической психологии. Юнг говорит то же самое: проинтегрировавший тень человек — не значит, что у него тени больше нет. Значит, что он её знает. Он с ней живёт. Он управляет — потому что узнал.

VIII. Почему это до сих пор пугает

Ницше пугает простого читателя одним конкретным жестом. Он отказывается успокаивать.

Кант в конце концов утешает: моральный закон у тебя внутри, иди и исполняй. Гегель утешает: история движется к лучшему. Маркс утешает: общественные противоречия разрешатся в коммунизме. Психоанализ Фрейда — даже он — утешает: пройди курс терапии, симптом снимется.

Ницше не утешает. Он говорит: ты содержишь в себе ад. Никто этот ад не уберёт.

Никакой бог тебе не поможет (Бога нет, и мы его убили). Никакая мораль тебя не спасёт (мораль выросла из ressentiment). Никакая революция не сделает тебя другим (после революции ты будешь тот же ты, только с другим знаменем).

Что тогда? Тогда — amor fati. Любовь к судьбе. Ты не выбираешь, что в тебе есть. Но ты можешь выбрать, что с этим делать. Признать. Использовать. Преобразовать в творчество, в движение, в действие. Стать тем, кто ты есть.

«Werde, der du bist» — «Стань тем, кто ты есть» — фраза, которую Ницше любил повторять. Она звучит как трюизм. Но она не трюизм. Она значит: не пытайся стать другим, лучшим, более правильным — пройди до конца того, кто ты уже есть, и обнаружь там нечто, что превзойдёт твою нынешнюю форму.

IX. Что увидел Ницше в себе

Биографическая деталь, которая, кажется, всё связывает.

Ницше в 1889 году в Турине обнял лошадь, которую бил извозчик, разрыдался и больше из этого состояния не вышел. Последние одиннадцать лет жизни он провёл в безумии. Сначала пытался писать, потом перестал узнавать людей. Умер в 1900-м, на пороге XX века.

Что произошло? Медицинские диагнозы расходятся. Сифилис? Опухоль мозга?

Биполярное расстройство в финальной фазе? Скорее всего что-то соматическое плюс психическая истощённость от десятилетия работы на пределе.

Но есть и другое чтение, его дал Юнг. Ницше, как никто из философов XIX века, смотрел в свою бездну. И долго смотрел. И посмотрел слишком долго. Бездна посмотрела в него — и забрала.

Юнг видел в этом предупреждение и для себя. После расставания с Фрейдом он сам прошёл через несколько лет того, что назвал «противостоянием с бессознательным»

(1913–1917). Он писал, рисовал, говорил с фигурами, вылезающими из собственной глубины. Едва не сошёл с ума. Сохранился. Эта работа описана в его «Красной книге», опубликованной только в 2009 году.

То есть Юнг сделал то, что не удалось Ницше: пройти через бездну и вернуться. Не благодаря большей силе. Благодаря методу. Юнг работал систематически: писал каждый разговор с тенью, давал ей имена, форму, контекст. Он опредметил. Ницше же шёл без этого — на одном пере и силе мысли. Это слишком.

Урок здесь, может быть, такой: работа с тенью — это серьёзное дело, требующее опоры. Не обязательно религиозной. Не обязательно психоаналитической. Но какой-то. Иначе бездна побеждает.

X. Переоценка ценностей

Последнее, что важно понять про Ницше, — это его проект «переоценки всех ценностей» (Umwertung aller Werte) (Wikipedia: Transvaluation of values).

Ницше задумывал четырёхтомный труд под этим названием. Успел написать первую часть — «Антихрист». Остальное осталось в черновиках.

Идея была: не просто критиковать существующие ценности. Перевернуть их.

Сказать: то, что вы называли «добром», — это слабость, прячущаяся за моралью. То, что вы называли «злом», — это сила, которая отказалась прятаться. Поменяйте местами.

Это, конечно, провокация. Ницше не призывал буквально считать жестокость добром. Он призывал посмотреть, что вы оценивали, и спросить, почему именно так.

Может быть, ваше «добро» — это страх. Может быть, ваше «зло» — это то, чего вы хотите, но не смеете. Тогда — что вы вообще оцениваете?

Это вопрос, который должен задать себе каждый человек, желающий встретиться со своей тенью. Не «как мне стать лучше?», а «лучше — это что? и почему именно это я считаю лучшим?». Когда начинаешь честно отвечать, обнаруживается странное.

Многое из того, что мы считаем «добром», — это просто комфорт. Многое из того, что мы считаем «злом», — это просто страх.

Это не значит, что нужно отбросить мораль. Это значит, что нужно знать, на чём она стоит. И знать, что в тебе есть до неё и под ней.

XI. Сквозная нить серии

В предыдущей статье мы говорили о «дьяволе» как религиозном имени для тени.

Religious traditions — религиозные традиции — дали тени персонажа, форму, ритуал.

Это было полезно. Это работало тысячи лет.

Ницше — это момент, когда у тени забрали религиозное имя. Дьявола нет. Чёрта нет.

Греха в религиозном смысле нет. Но тень осталась. И теперь она просто твоя. Без посредников. Без алиби.

Это новая ситуация. Совершенно новая. Только-только нащупанная. Никто не знал, как с этим жить, — и многие, кто пытался, ломались.

Следующая статья — про другой подход к той же тени. Не индивидуальный, как у Ницше, и не богословский, как в религиях. А мифический. Про чудовище, которое жило в собственном дворце, и про нить, по которой герой к нему шёл.

XII. Что остаётся

Не каждый должен идти путём Ницше. Это путь, требующий редкого мужества и редкого терпения, и без подготовки он опасен.

Но каждый, кто хочет жить честно, в какой-то момент сталкивается с тем же. Со своей бездной. С тем, что в нём есть и чего он стесняется. Со своей завистью, своей яростью, своей похотью, своей жадностью. С человеком, на которого он стал бы в обычной жизни смотреть с осуждением, — и которым он в каком-то смысле является.

В этот момент есть три выбора.

Первый — отвернуться. Сказать «это не я». Спрятать обратно. Этот выбор работает несколько лет. Потом бездна возвращается, обычно в самый неподходящий момент.

Второй — провалиться. Сказать «это и есть я», отдаться, прекратить сопротивление.

Это путь декаданса, разрушения, иногда буквальной смерти.

Третий — увидеть и не отвернуться, но и не утонуть. Знать, что бездна — твоя. Жить с этим знанием. Не позволять ей действовать вместо тебя, но и не отрицать её существование.

Третий путь — то, что Ницше пытался описать сверхчеловеком, Юнг — индивидуацией, мистики — внутренней работой, психотерапевты — интеграцией.

Слова разные. Дело одно.

Тот, кто долго смотрит в бездну, не обязательно становится бездной. Но только если смотрит сознательно и с возможностью отвести взгляд.

В этом, может быть, и есть весь Ницше. Не «убей в себе слабого» — это плохое прочтение. А «узнай в себе тёмного, чтобы было кому решать, что с ним делать».